

Серия «История»
2022. Т. 42. С. 30–40
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 271.2(57)(091)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.42.30>

Православная церковь и окраинная политика империи (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в.)

Л. М. Дамешек*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается значение распространения православия в Сибири как одной из форм инкорпорации народов Азиатской России в экономическое, административное и социокультурное пространство Российской империи. Отмечается эволюция применяемых методов, связанная с меняющимися задачами по политическому конструированию империи и развитию товарно-денежных отношений в хозяйстве, быту, а также общественных отношений представителей коренного населения региона на протяжении XVII – начала XX в. Подчеркивается, что в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели, связанные с распространением православия, взаимно дополняли друг друга, что представляло собой еще одно отличие колонизационной политики России по отношению окраинам государства от колонизационной политики империй Запада.

Ключевые слова: Сибирь, окраинная политика, православная церковь, Азиатская Россия.

Для цитирования: Дамешек Л. М. Православная церковь и окраинная политика империи (на материалах Сибири конца XIX – начала XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 42. С. 30–40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.42.30>

Original article

The Orthodox Church and the Marginal Policy of the Empire (Based on the Materials of Siberia of the Late 19th – Early 20th Century)

L. M. Dameshek*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the importance of the Orthodoxy spread in Siberia as one of the incorporation forms of the Asian Russia peoples into the economic, administrative and socio-cultural space of the Russian Empire. The evolution of these methods is noted, associated with the changing tasks of the political construction of the empire and the development of commodity–money relations in the economy, everyday life and social relations among the indigenous population of the region during the 18th – early 20th centuries. It is emphasized that in the Russian colonization model of the eastern outskirts of the empire, political and socio-cultural goals associated with the spread of Orthodoxy mutually complemented each other. This was another difference between Russia's colonization policy towards the outskirts of the state and the colonial empires of the West.

Keywords: Siberia, marginal politics, Orthodox Church, Asian Russia.

© Дамешек Л. М., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

For citation: Dameshek L. M. The Orthodox Church and the Marginal Policy of the Empire (Based on the Materials of Siberia of the Late 19th – Early 20th Century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 42, pp. 30-40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.42.30> (in Russian)

Одной из важных исторических особенностей России был фактор ее огромности. Раскинувшись на территории Европы и Азии, Российская империя вобрала в себя многообразие культур и религий более чем 200 народов, которые в конечном итоге, несмотря на известные противоречия, научились жить вместе. Крайняя политика московских, а позже петербургских властей всегда находилась в центре внимания правительственных сановников. В абсолютистском государстве, каким была Российская империя в начале XX в., традиционно составной частью внутривластного курса была политика конфессиональная. К моменту описываемых событий в России тесная связь государства с православным духовенством насчитывала не одно столетие. Конечно, на протяжении всей истории отношения православной церкви и государства приобретали различный характер, но в конце концов эти споры закончились полным доминированием Российского государства над церковью и сращиванием последней со структурами бюрократического аппарата. Созданный в 1721 г. Священный синод заменил патриархат, а обязанности главы главной конфессии империи стал исполнять назначаемый монархом чиновник.

К середине XIX в. православная церковь добилась по сути дела эксклюзивного положения в государстве, а само белое, приходское, духовенство приобрело сословный статус. Однако правильность политики насильственного насаждения православия на окраинах империи, практиковавшейся в XVIII в., политики подавления иных религий оказалась под сомнением прежде всего с точки зрения лояльности окраинных инородцев империи, а также с точки зрения выстраивания отношений с сопредельными странами. Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, российскими властями не рассматривалась как нечто ненормальное. Важен был факт принадлежности к определенной конфессии, что расценивалось как свидетельство наличия морали, порядка и послушания закону, пусть и с национальными очертаниями. Согласно одному из основных принципов национальной политики империи, этнические и национальные критерии хотя и принимались во внимание, но по существу не мешали продвижению по социальной лестнице. Политическая, военная, культурная, научная элита империи была многонациональна. Доля нерусских среди чиновников в 1730-х гг. составляла примерно 30 %, в 1850-е гг. – 16 %. В период с 1894 по 1914 г. среди 215 членов Государственного совета насчитывалось не менее 12,1 % лиц неправославного исповедания и, следовательно, нерусских. Из 568 лиц, занимавших высшие посты в центральном и региональном управленческих аппаратах имперской администрации в 1903 г., свыше 10 % относилось к неправославным, а в 1913 г. – от 10 до 15 %. В офицерском корпусе императорской армии доля неправославных, а следовательно нерусских, в конце 60-х гг. XIX в. достигала 23 %, к 1903 г. этот показатель понизился до 11 %, зато среди генералов повысился до 20 %.

Подданные Российской империи исповедовали все основные религии мира, а принадлежность к иной, отличной от православия конфессии оценивалась правительством не как отступление от государственных законов, а как важное условие социального порядка. В конечном счете, по убеждению сановного Петербурга, любая религия при соответствующей имперской надстройке была способна служить государственным интересам России. Именно этими соображениями руководствовалась дочь великого Петра императрица Елизавета Петровна, когда своим указом 1741 г. официально признала буддизм одним из вероисповеданий России и утвердила штаты буддийского духовенства. Однако нельзя не признать, что все империи в действительности стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником которого должен быть сюзерен – монарх. Именно поэтому конфессиональная политика Российского государства в отношении окраин империи, включая и сибирских инородцев, была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России, в территориальном отношении занимавшей примерно 80 % площади абсолютистского государства, лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев. Принятие православия аборигенами рассматривалось как ключевой элемент политики инкорпорации. В то же время это был и важный социокультурный процесс.

Таким образом, в российской колониационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Окраинная политика империи отличалась поливариантностью и известной гибкостью [8, с. 32–33], однако это не означает, что имперские цели по насаждению «русского духа» на окраинах государства отходили на второй план. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление, одной из целей становилось обрусение инородцев, полное подчинение их русскому законодательству. В достижении этой цели сторонники обрусительного направления в политике по отношению к народам Сибири немаловажную роль отводили православию.

Даже в конце XIX в. в Восточной Сибири нередко были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т. д. В 1891 г. в Иркутской губернии, в Аларских степях, в связи с проездом цесаревича Николая Александровича развернулась массовая кампания по крещению бурят. В Петербург прибыла с жалобами целая бурятская делегация. Она не была принята царем, но слухи об этих безобразиях проникли в печать. Даже князь насаждения «русскости» среди коренного населения В. П. Мещерский, издатель неизвестного «Гражданина», по этому поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена» [5, с. 130].

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны выработать единые политико-идеологиче-

ские и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главенствующей» церкви в Сибири и России в целом. Первый такой съезд состоялся в Иркутске летом 1885 г. Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников» [2, с. 66].

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было разслано специальное послание, в котором предписывалось провести съезды местных миссионеров, где обсудить «все вопросы... состояния миссии в каждом стане» и меры «к предупреждению препятствий к принятию инородцами святого крещения».

В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский – Исаакий, Селенгинский – Мелетий, Киренский – Макарий. Кроме того, в работе съезда участвовали генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатьев, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф, военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш, исполняющий должность иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично. А. Н. Корф вообще настаивал на проведении закрытых заседаний, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят [Там же]. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство», и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму. Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т. е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было пять, проводились открыто, однако обсуждение на нем так называемого бурятского вопроса не афишировалось с целью пресечения неблагонамеренных толков среди аборигенов. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати.

Одним из центральных вопросов съезда стал вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, кото-

рые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». Важно подчеркнуть и другое. В журнале заседания съезда от 24–26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти [2, с. 66]. Таким образом, в вопросах насаждена «русскости» церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге работы съезда были приняты решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса русификации и христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Это важное обстоятельство осталось незамеченным предшествующими исследователями вопроса.

Решением съезда прежде всего было рекомендовано провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки предлагалось передать в пользование русским крестьянам – православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, как полагали участники съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это, вместе взятое, должно было служить одной цели – «способствовать обращению их (аборигенов. – Л. М.) в христианство» [Там же].

Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом объективно прогрессивным, как и сам процесс сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае эта идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов.

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные Уставом 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо них рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы предусматривалось ввести в качестве должностных лиц инородцев-христиан.

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу о привлечении сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, привлечение аборигенов к отбыванию воинской повинности должно было привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал даже пойти дальше этого. По его словам, следовало «вообще сравнять их (аборигенов. – Л. М.) в правах и обязанностях с русскими крестьянами» [6]. Вениамину вторил Томский преосвященный Влади-

мир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к инородцам Западной Сибири. Епископ Томский желательность этой меры видел еще и потому, что льгота язычников от воинской повинности служит благовидной причиной к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности. Поистине, сибирские иерархи были персонами воинствующими.

Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. Внимательное изучение материалов съезда показывает, что «святые отцы» были плохо знакомы с ясачным законодательством империи и практикой уплаты ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурою существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей заstraщают их» (аборигенов. – *Л. М.*) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами» [2, с. 66].

Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранении натуральной формы уплаты ясачной подати [3]. В данном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование православных пастырей за перевод ясака в денежную форму объяснялось совсем не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению. Участники съезда понимали, что большая часть их предложений противоречит существующим законоположениям, поэтому они ходатайствовали перед обер-прокурором Синода об утверждении рекомендаций съезда в законодательном порядке.

В решениях Иркутского съезда духовных и светских властей содержались подчас идеи, отвечающие объективным потребностям экономического и общественного развития народов Сибири, но на практике эти идеи, порожденные попытками насильственного насаждения «русскости» на окраинах империи, приобретали уродливую форму. Иркутский съезд 1885 г. был не единственным съездом сибирских иерархов. В 1893 г. прошел съезд миссионеров в Забайкалье. Вопросам усиления христианизации народов Сибири были посвящены собрания миссионеров, состоявшиеся в августе 1909 г. в Иркутске. Подготовку и работу собрания возглавлял начальник Иркутской духовной миссии епископ Иоанн. Основное внимание было уделено вопросам организационного укрепления миссии и расширению агитационной работы в пользу православия. Эти же вопросы находились в центре внимания участников съезда миссионеров, собравшегося в следующем году в Иркутске. Это был первый съезд миссионеров после подавления самодержавием революции 1905–1907 гг. Власти придавали ему большое значение, что в немалой степени объясняется массовым отходом народов Сибири от православия в ходе Первой русской революции.

Российская печать охарактеризовала Иркутский съезд как «первый в Сибири по количеству участников и важности вопросов, которые на нем должны быть поставлены и решены». К тому времени, несмотря на «весь официальный оптимизм» церковных иерархов, миссионерское дело в Сибири было далеко не в блестящем состоянии. «Количественные» результаты деятельности сибирских миссий были «крайне ничтожными». В 1906 г. Алтайская миссия, несмотря на значительный штат миссионеров, не обратила ни одного инородца. То же самое можно сказать о миссиях Иркутской, Якутской, Чукотской и Благовещенской. Киргизская миссия в 1906 г. окрестила всего 19 человек, в том числе только 8 киргизов. По этому поводу печать не без сарказма писала, что каждый крещеный в этой миссии «стоил более 700 руб.». В целом результаты съезда и деятельность сибирских миссий пресса оценивала весьма скромно: «Рутина, формальное отношение к делу, незнакомство с туземными языками – отличительные качества сибирских миссионеров». Совершенно очевидно, что теперь «сибирские миссии идут верным и быстрым шагом к самоупразднению»¹. Свидетельство кадетской газеты не просто интересно, но и важно еще и потому, что большинство фактов об антиклерикальных выступлениях крестьян не было зафиксировано в опубликованных документах. О необходимости наступательной позиции церкви в отношении иноверцев говорилось и на общероссийских миссионерских съездах. Первый такой съезд прошел в Казани в 1885 г., второй – в Москве в 1891 г. Еще более воинственно было настроено духовенство на третьем съезде миссионеров, состоявшемся в том же году в Казани. Работой этого съезда руководил будущий обер-прокурор Синода В. К. Саблер, назвавший православие «краеугольным камнем самодержавия».

Для решения задачи обращения в православие всех иноверцев Сибири миссионеры стремились привлечь и высших правительственных чиновников. В 1892 г. в Петербурге с целью выработки общих организационных и идеологических мероприятий состоялось Особое совещание о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье. В совещании участвовали обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, министр внутренних дел П. Н. Дурново, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф и управляющий Министерством императорского двора действительный тайный советник Н. С. Петров. Совещание рассмотрело предложения А. Н. Корфа о «мерах к усилению проповеди православия среди иноверцев». Наиболее верным способом борьбы с ламаизмом и одновременно пропагандой православия Корф считал распространение «общего образования» среди аборигенов. Относительно ламаизма генерал-губернатор предлагал ограничиться тактикой невмешательства. Однако совещание не приняло предложения Корфа. Наоборот, оно признало «существенно необходимым» переработать положение о ламаистском духовенстве 1853 г. в сторону его ужесточения. Что же касается предложения генерал-губернатора о необходимости распространения между аборигенами «образования», то

---

¹ Речь. 1910. 24 июля.

участники совещания признали его «заслуживающим внимания», однако требующим значительных денежных затрат. Поэтому они не пошли дальше рассуждений о пользе образования, высказавшись в конечном итоге за улучшение состава миссий, благоустройство миссионерских церквей и т. д.² Меры эти должны были осуществляться распоряжением духовных властей.

В конце 1911 г. при Синоде состоялось очередное «особое совещание». Оно было посвящено изучению методов деятельности православных миссий среди нерусских народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. В это время отход крещеных аборигенов от православия, начавшийся в ходе Первой русской революции, несмотря на все старания духовных пастырей, продолжался. В таких условиях члены совещания пытались найти выход из создавшегося положения. Необходимость упрочения положения «первенствующей и главенствующей церкви» в России требовала принятия срочных и действенных мер по усилению пропаганды православия среди нерусских народов. В то же время конечные цели этой пропаганды – обрусение и ассимиляция аборигенов с русским населением – оставались неизменными. События Первой русской революции, сопровождавшиеся массовыми антиклерикальными выступлениями крестьян, заставили ревнителей православия быть более осмотрительными в выборе средств привлечения новой паствы, поэтому совещание не рекомендовало каких-либо крутых мер, а ограничилось требованием к приходским священникам считать миссионерство «своею существенною и непременною обязанностью, не возлагаемую исключительно на миссионеров». Для усиления пропаганды православия предписывалось также проводить на языках народов Сибири проповеди и беседы, организовывать пение церковных песен, открытие школ «для детей язычников по системе Н. И. Ильменского», закладывать основание новых монастырей и т. д.

По решению совещания и Синода в 1912 г. в Хабаровске и Тобольске были открыты курсы подготовки миссионеров, причем в Тобольске собирались только лица, имеющие высшее духовное образование. Характерна реакция самого духовенства на это решение Синода: многие миссионеры восприняли его «со страхом и некоторой конфузливостью», а сами курсы называли «учреждением недоучек и малосведущих членов клира». Программа 4-недельных курсов была рассчитана на 140 часов. Наряду с традиционными для православной церкви курсами – «история» и «обличение раскола» – особое внимание теперь уделялось изучению истории и обличению социализма, искусству проповедничества, законоучительству и методике.

По вопросу о методах крещения народов Сибири в XVIII – первой половине XIX в. среди исследователей нет единой точки зрения. К. М. Герасимова [1, с. 79], Н. П. Егунов [4, с. 151] в своих работах приводят главным образом факты насильственного крещения народов Восточной Сибири. К аналогичным выводам пришли И. И. Огрызко [9, с. 51–54] и Н. А. Свешников [10], рассматривавшие вопросы распространения православия в Северо-Западной Си-

---

² Журнал особого совещания о мерах к облегчению христианской проповеди в Забайкалье // РГИА. Ф. 797. Оп. 62 (2 отд., 3 ст.). Д. 300. Л. 4–5.

бири. Однако в литературе высказывается и иная точка зрения. Так, Н. А. Миненко основным методом крещения аборигенов Западной Сибири в первой половине XIX столетия считает «предоставление новокрещеным различных льгот, в особенности в уплате ясака» [7, с. 253–255]. Действительно, в первой половине XIX в. самодержавие было вынуждено отказаться от насильственных методов распространения христианства и соблюдать хотя бы «внешние приличия». Это, разумеется, не означает, что факты насильственного крещения аборигенов в XIX в. были совершенно изжиты. В исследовательской литературе немало примеров насильственного крещения иноверцев, особенно в конце XIX в. Принцип свободы веротерпимости был закреплен в двух важнейших законодательных актах XIX и XX вв. – Уставе об управлении инородцев 1822 г. и в манифесте 17 апреля 1905 г. В то же время принятие православия оценивалось властями как положительное явление, и государство прилагало немало усилий для поднятия и распространения авторитета православной церкви в империи.

Рассуждая о методах распространения православия, следует отметить, что крещение «по поводу» или «случаю» получило в Сибири широкое распространение. Издание юбилейных пропагандистских брошюр, устная агитация – все это должно было, по замыслу миссионеров, способствовать привлечению язычников в лоно православной церкви. В 1890 г. в Западной Сибири широко отмечали 60-летие со дня основания Алтайской православной миссии, а спустя два года – в 1892 г. – 100-летие со дня ее основателя архимандрита Макария. С целью популяризации и разъяснения его деятельности была выпущена специальная брошюра под названием «Архимандрит Макарий, основатель Алтайской миссии». Наряду с этим организовывались совместные моления русских и аборигенов и т. д. Все это, по мысли начальника Тобольской епархии епископа Бийского, должно было способствовать лучшему пониманию аборигенами превосходства православия над язычеством и усвоению ими основных догматов новой религии. Однако массовые крещения, неоднократно отмечаемые источниками на протяжении всего XIX в., носили, как правило, формальный характер. При этом основное внимание обращалось «на внешнюю сторону миссионерского деяния, т. е. на возможно большее количество крещений», а догматы и культы православия оставались непонятными для новой паствы.

Примитивные языческие культы народов Сибири, особенно ее северных районов, были самым тесным образом связаны с существующими социальными отношениями и хозяйственным бытом народов. Поэтому функциональное место христианства оказывалось совершенно иным; его догматы и культы не были рассчитаны на конкретную программу непосредственных действий. Назначение религии – быть всеобщим основанием «для утешения и оправдания». Все это порождало многочисленные случаи двоеверия, совращения в язычество и т. д. Посетивший в 1833 г. Березовский округ тобольский гражданский губернатор Муравьев доносил начальству, что крещеные ханты и манси «ни в образе жизни, ни в образе мыслей... ни в чем не различествуют от

язычников и даже продолжают... тайно в лесах свое прежнее богослужение»³. Об основах веры они не имели «ни малейшего понятия».

Несмотря на усилия православных миссий, положение не изменилось и 30 лет спустя. В 1864 г. Совет Главного управления Западной Сибири констатировал, что христианство между северными народами Тобольской и Томской губерний распространено было «номинально», а аборигены в душе продолжали оставаться язычниками. Об этом же доносил товарищу обер-прокурора Ю. В. Толстому А. Забелин, представивший в 1869 г. подробный «Обзор деятельности миссионеров Березовского края». К началу XX в. практически все аборигены Березовского края были крещеными. В 1898 г. епископ Тобольский Агафангел доносил в Синод, что в районе действия Сургутской миссии «не было уже язычников инородцев», однако «качество» крещения было крайне низким. Подобные же явления отмечаются и в других сибирских епархиях.

Необходимо подчеркнуть, что на методы и формы распространения православия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. *Герасимова К. М.* Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и в начале XX веков / Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры. Улан-Удэ : [б. и.], 1957. 160 с.
2. *Дамешек Л. М.* Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 62–70.
3. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
4. *Егунов Н. П.* Колониальная политика царизма и первый этап национального движения в Бурятии в эпоху империализма. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1963. 316 с.
5. *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. : Мысль, 1970. 442 с.
6. *Матханова Н. П.* Публицистические сочинения Епископа Вениамина (Благодрава): задачи, темы, значение // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2021. Т. 36. С. 15–22.
7. *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 308 с.
8. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 547 с.
9. *Огрызко И. И.* Христианизация народов Тобольского Севера. Л. : Учпедгиз, Ленингр. отд-ние. По заказу Ленингр. пед. ин-та народов Севера, 1941. 148 с.
10. *Свешников Н. А.* Христианизация народов Северо-Западной Сибири // Ученые записки Енисейского пединститута. 1959. Вып. 3. С. 91–108.

---

³ РГИА. Ф. 385. Оп. 16. Д. 8620. Л. 11 об.

References

1. Gerasimova K.M. *Lamaizm i nacionalno-kolonialnaya politika carizma v Zabajkalie v XIX i v nachale XX vekov* [Lamaism and the national-colonial policy of tsarism in Transbaikalia in the XIX and early 20th centuries]. Ulan-Ude, 1957, 160 p. (in Russian)
2. Dameshek L.M. Sibirskie syezdy pravoslavnogo duhovenstva o putjah nasazhdenija “russkosti” sredi korennoogo naselenija [Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on Ways of Planting “Russianness” among the indigenous population]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History]. 2021, vol. 36, pp. 62-70. (in Russian)
3. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Jasak v Sibiri v XYIII-XX vekov* [Yasak in Siberia in the 18th–20th Centuries]. Irkutsk, Irkutsk State Univ. Publ., 2014, 303 p. (in Russian)
4. Egunov N.P. *Kolonialnaya politika carizma i pervyj etap nacionalnogo dvizheniya v Buryatii v epohu imperializma* [Colonial political career and the first stage of the national movement in Buryatia in the era of imperialism]. Ulan-Ude, 1963, 316 p. (in Russian)
5. Zajonchkovskij P.A. *Rossijskoe samodержavie v konce XIX stoletija* [The Russian Autocracy at the End of the 19th Century]. Moscow, Mysl Publ., 1970, 442 p. (in Russian)
6. Mathanova N.P. Publicisticheskie sochinenija Episkopa Veniamina (Blagonravov): zadachi, temy, znachenie [Journalistic Writings of Bishop Veniamin (Blagonravov): Tasks, Themes, Meaning]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 36, pp. 15-22. (in Russian)
7. Minenko N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir v XYIII – pervoj polovine XIX v.* [Northwest Siberia in the 18th – first half of the 19th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1975, 308 p. (in Russian)
8. Mironov B.N. *Socialnaja istorija Rossii perioda imperii (XYIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russia during the Empire Period (18th – the Beginning of the 20th Century.)]. Saint Petersburg, 2003, vol. 1, 547 p. (in Russian)
9. Ogryzko I.I. *Hristianizacija narodov Tobolskogo Severa* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1941, 148 p. (in Russian)
10. Sveshnikov N.A. *Hristianizacija narodov Severo-Zapadnoj Sibiri* [Christianization of the peoples of Northwest Siberia]. *Uchenye zapiski Enisejskoo pedintituta* [Scientific Notes of the Yeniseisk Pedagogical Institute], 1959, vol. 3, pp. 91-108. (in Russian)

Сведения об авторе

Дамешек Лев Михайлович
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий, кафедра истории России
 Иркутский государственный университет
 Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
 e-mail: levdameshkek@gmail.com

Information about the author

Dameshek Lev Mikhailovich
 Doctor of Sciences (History), Professor,
 Head, Department of History of Russia
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 e-mail: levdameshkek@gmail.com

Статья поступила в редакцию **15.08.2022**; одобрена после рецензирования **10.09.2022**; принята к публикации **10.11.2022**
 The article was submitted **August, 15, 2022**; approved after reviewing **September, 10, 2022**; accepted for publication **November, 10, 2022**